

Александр Шмидт

СВЕТ И ТЬМА

МУЗЫКА

Где-то музыка спряталась, где?
 Может там, на соседней звезде?
 Может, звёздная скважинка эта
 Напоит нас свирелевым светом?

Заиграет. Замрёт. Залучится,
 Ляжет светом нездешним на лица.
 И тогда встрепенётся прохожий:
 Что... и вы ЭТО слышите тоже?!

ЖИЗНЬ

Казалась – вечной,
 А вот – черта.
 Ни Богу свечка,
 Ни чёрту кочерга.

ПРЕДЗИМЬЕ

Скоро зима. Дело табак.
 Вдаль по асфальту листва убегает.
 Ветер спустил на неё всех собак.
 Рано темнеет, поздно светает.
 Всё в этой жизни вышло не так.
 Да и её-то на медный пятак
 Сталинской, послевоенной чеканки.
 Вот и сожми, что осталось, в кулак.
 Слышишь, опять воронья перебранка
 Новых пророчит и злых передраг.

СВЕРЧОК

И ничего я не умею,
 И никого я не умнее.
 Быть может, я к себе жесток.
 Ведь жив ещё и не немею,
 И всё со мной, что я имею,
 Пою и знаю свой шесток.

КОГДА

Когда-то
 Румяный толстопузый критик
 Учил меня писать стихи.
 В его рецепт входили
 Гражданственность, народность
 И традиционный стих.
 На этих трёх китах
 Вселенная его располагалась.
 Пиши по-русски, Саня,
 В рифму,
 Не выдумывай
 Верлибров всяких,
 Фу, какая дрянь.
 Он победительно оглядывал меня,
 Сопел,
 И лупы мутные его очков
 Меня пронизывали, как рентген.
 Есть у тебя стихи
 С «когда»?
 Нет?!

И хохотал, довольный:

Я так и знал!
 А вот у Блока – есть!
 Теперь, когда он там,
 В чаду учительского вдохновенья,
 Младенцев мучит
 И пишет разгромные статьи
 В газеты тамошние
 «Кочегар» или «Тот свет»,
 Меня не оставляют его «когда»,
 Они слетаются, как вороны,
 Галдят,
 Когтят,
 Клюют меня своими
 «когда», «когда», «когда».
 И лишь когда я засыпаю,
 Сидят, нахохлившись,
 И чистят свои клювы,
 Запахиваясь крыльями,
 как тогой.

Что ж, делать нечего,
 Пора ответить.
 Времени в обрез:

«Когда катает желваки
 Могильные, зима
 Берёт в тиски твои виски,
 Грозя свести с ума.

Когда вороний грай, как крюк,
 Вонзается в твой мозг,
 Ты думаешь: ну всё – каюк...
 Пришёл твой бог, твой Босх...

Когда он вышками джи-пять
 Загонит в карантин,
 Ты будешь на кого пенять,
 Свободный гражданин?»

РОДИНА

1

Там,
 за холмом,
 На огородах
 Тебе даже пугало радо –

Выбегает навстречу,
 Распахнув объятия.

2

Саман, рубероид,
 Щербатый горбыль.
 Что тут добавить? Быль
 Небытия, минус жизнь, пепелище.
 Эй, старик, что здесь потерял?
 Оставь его,
 Пусть ищет.

3

Из стороны чужедальной,
 Из зарубежной тьмы
 Твои холмы –
 Голгофа
 Или
 Кулич пасхальный.

ТЕОРИЯ СТРУН

Я разучился играть в пас.
 Стал сам по себе.
 Мне не нужен никто.
 Я не могу в эту жизнь попасть,
 Как пьяный в рукав своего пальто.

Что ж, побыл на пиру – ныряй в дыру
 Черную-пречёрную,
 Где ни зги не видать,
 Там даже атомы твои перетрут.
 И кто ты такой, и как тебя звать...

Вынырнешь в Нигде
 С другой стороны,
 Чужой звезде совсем не рад.
 Скажет архонт: этой струны
 Что-то совсем мне не нравится лад.

* * *

Пора. Проснись. Глаза протри,
 С обломовского встань диванчика.
 Опять весь мир пускает пузыри
 младенческие одуванчиков.

Тебе поверить сызнава пора
В невероятную свободу –
Смотри, летит по лужам детвора,
Как некогда Иисус по водам.

И ты сегодня можешь пренебречь
Законами земного притяженья.
Крылата плоть, когда крылата речь.
Восторг. Отрыв.
И в небо восхожденье.

НЕБО

Небо – материя,
Издавна почитаемая поэтами,
Стёртая
Их бесчисленными прикосновениями
До этих сияющих дыр.
Люди называют их
Звёздами.

СТАРАЯ УРЮЧИНА

Старая, старая урючина,
Чёрная, как кочерга,
Ветки артритом скрючены,
Как расцвести ты смогла?

Кто тебя этой весной нехорошей,
В мор мировой, карантин
Розовой, новорождённой россыпью,
Кто тебя радостью так окропил?!

ДОЖДЬ

Побежала
Капля
По стеклу,
Юная,
Беспечная,
Весенняя.
И вторая –
Наперегонки,
Ещё та вертихвостка.

Бегут, переглядываются.
Их обгоняет третья –
Хвост трубой:
Попробуй, догони!
И ещё
И ещё капли...
Уже не сосчитать
Столько...
– Вот дурочки,
Даже завидно, –
Улыбнулась сквозь слёзы
Слеза.

СВЕТ ЛИ ПОПАЛ

Свет ли попал, и запело ребро,
Бес ли на нём стал разучивать гаммы,
Только расцвёл, как павлинье перо,
Серый асфальт у меня под ногами.

Вот ведь некстати, не в тон, невпопад,
Мне только этого и не хватало,
Музыку эту, как воздух, хватать,
Чтобы почувствовать вкус её талый.

Чтобы понять, что и этой весной
Так восклицательны знаки сосулек,
Что даже ты – мизантроп записной
Снова купился на эти посулы.

ОНИ ВСЁ ЕЩЁ СТРОЯТ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Они всё ещё строят планы на будущее:
Влюбляются,
Создают семьи,
Рожают детей.
(А телеоракулы грозят
Небывальными бедствиями.)
Варят варенье,
Делают запасы на зиму,
Узнают погоду на завтра.
(А газетные пророки
Объявляют о Конце света.)
Планируют, где провести отпуск

Будущим летом,
 Приобретают
 Разговорники экзотических стран,
 Примеряют новые купальники.
 (А стрелки часов Судного дня
 Вот-вот замрут на двенадцати.)
 Но Они поднимают детей на плечи,
 И надеждой озаряются их лица,
 Когда они слышат смех своих детей –
 Значит, не так уж всё плохо
 Там,
 Впереди,
 В будущем.
 И оно,
 Слава Богу,
 Есть.

ДВА БАЛКОНА

Два балкона по соседству.
 У хозяйки справа
 Только к концу лета расцвели цветы,
 И теперь они буйствуют
 С вызывающим торжеством.
 У хозяйки слева
 Они давно засохли
 И теперь ржавеют,
 Заброшенные.

Зато весело и беззаботно,
 Отдаваясь
 Всякому встречному ветерку,
 Кружится среди них
 Пёстрая вертушка.

БОЛЬШИЕ ГОРОДА

1

Всё больше
 Строительных кранов
 Слетаются в большие города.
 Всё меньше детей
 Приносят
 Горожанам
 Аисты.

2

В этом городе
 Нет бродячих кошек,
 В этом городе
 Нет бездомных собак.
 Но всё чаще
 Встречаются
 Люди без крыши над головой.

3

Вить, вить, вить, –
 Зовёт
 Невидимая птица
 Из сумрака парка,
 Но не откликается
 Хлебников.

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Ну да, человек,
 Ну да...
 А скороговоркой нынешнего времени
 Произносишь – человек,
 А звучит – чек.

ЧЁРНАЯ МАГИЯ

В вагоне берлинской подземки
 По линии семь
 Все пассажиры заняты
 Чёрной магией.
 В руках их
 Маленькие чёрные зеркальца,
 По-видимому, из обсидиана,
 Как и положено
 При занятиях чёрной магией.
 Они всматриваются,
 Не отрываясь,
 В намагниченную магией
 Поверхность.
 Каждый в своё зеркальце.
 И бывшая магма
 Им что-то пророчит:
 Кому – выгоду,

Кому – потерю,
 Кому – скорую любовь,
 Кому – запретные радости,
 Кому – неожиданные подарки.
 Тут же,
 На задней площадке вагона,
 В углу
 Чёрная мадонна
 Склонилась над детской коляской
 С лицом отрешённым
 И полным ласки
 И трогает пальчики
 Чёрного младенца
 С новорожденными перлами
 Розовых ноготков,
 Словно струны ангельской арфы.
 И они слушают только им
 Доступную музыку.
 А может быть,
 Она,
 Касясь этой самой нежной
 Клавиатуры,
 Отправляет Богу
 Благодарную СМС.

БОМБА

В Алма-Ате,
 В предгорье,
 На бетонном водосбросе
 Прочитал когда-то:
 Homo homini lupus est.
 Говорят, здесь работали
 Пленные японцы,
 Вот у одного из них вырвалось
 Горчайшее:
 Человек человеку волк.

Человек человеку бревно, –
 Обмолвился как-то «обезьяний царь»
 Ремизов,
 Давно,
 Ещё до революции,
 И напорочил
 Человеческий лесоповал.

Сегодняшняя реальность –
 Безликая бабочка смерти.
 Узкие бойницы вместо глаз.
 Черный ангел,
 Начинённый тринитротолуолом
 С часовым механизмом.
 Или мальчик почти,
 Белокурый,
 С тонким,
 открытым лицом.
 Проносит в лицей или колледж
 Взрывные устройства,
 Которые жалят смертельно
 стальными шариками
 Или обрезками крупных гвоздей.
 Дробовик, заряженный картечью.
 И хладнокровно взрывает
 И расстреливает
 Таких же, как он,
 Подростков с открытыми лицами.

Человек человеку – бомба.
 Прислушайся
 И расслышишь
 Едва-едва различимое
 В шуме и гаме повседневности
 Слабое тиканье –
 Пульс нашего времени,
 Пульс бомбы.
 Услышал вчера –
 Он и она
 Наперебой:
 Ты видел это?!
 Невероятно!
 Безумно!
 Офигенно!
 Просто бомба.

ЧЕРЕПАХА ЗЕНОНА

Здесь столько черепах,
 Что можно выбрать любую
 Для новой космогонии.
 Весь день,
 И следующий,

и остальные дни,
 теряя счёт им,
 я не увидел никого
 себе подобного
 на горизонте.
 Прав, Слава Богу,
 Старый хрыч Зенон –
 Вовеки не догнать
 Ахиллу
 Черепахи.

ДО ПЕРВОЙ КРОВИ

До первой крови
 Мы дрались в детстве.
 Нас стравливали друг с другом
 Старшие ребята.
 На каждой перемене за школой
 Повторялся надоевший поединок.
 Ссадины,
 Шишки,
 Заплывший глаз.
 На следующий день
 Всё продолжалось.
 Но ни мне, ни ему никак не удавалось
 Разбить нос своему визави.
 Довольные устроители и зрители
 Этого жалкого поединка
 Кричали:
 Не считается!
 Нет крови!
 На следующий день
 Опять всё повторялось.
 Обречённо мы шли за школу,
 Ненавидя своих секундантов
 И преодолевая тошноту,
 Бросались друг на друга,
 Тыча вслепую разбитыми руками.
 И так
 Из дня в день.
 Пока однажды
 нечаянно
 я не попал ему в нос.
 Слабо.
 Едва.

Но зрители закричали:
 Кровь!
 Болельщики были довольны.
 Я их ненавидел.
 Мой враг стоял, покинутый всеми,
 Запрокинув голову,
 Прикладывая к носу
 Осенний холодок неба,
 Чтобы кровь шла не так сильно.
 Я отдал ему свой платок.
 Тогда
 Он был мне ближе всех.
 Не враг, а кровный брат.
 На всю жизнь я запомнил,
 Как его звали:
 Кочемасов.

СТАРИК ТАТАРИН

Маленький,
 Сухонький,
 Чистенький,
 С аккуратно подстриженной
 Белой бородкой
 В нашем университетском сквере
 У главпочтамта
 Каждое утро
 Проходил мимо нас,
 Хохочущих,
 Сквернословащих,
 Сорящих налево и направо,
 Настоящих дикарей,
 Варваров.
 С кротостью поразительной
 Поглядывал на нас,
 Невозмутимый и
 Невидимый
 В своём сокровенном величии.
 И метлой и совочком
 Возвращал
 В эту часть поруганного мира
 Порядок.
 Должно быть,
 Это был
 Бог!

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ*

«Камни преткновения»
 На берлинских тротуарах –
 Латунные заплаты
 На ветшающей
 Исторической памяти –
 Вряд ли сделают её долговечней,
 Но, хотя бы,
 Эта латунь
 Не пойдёт
 На солдатские пряжки.

* Мини-памятники жертвам нацизма.

* * *

Нет,
 Убивать человека
 Выстрелом в упор –
 Совсем не то, что
 Убивать человека
 Почти с космического расстояния,
 Откуда даже Земля представляется
 Топографической абстракцией.
 Всё дело –
 В разрешающей способности
 Совести.

ПОЗДНО

Кажется, песенка спета.
 Поздно читать Шпета.
 Сдался тебе этот Шпет...
 Поздно. Выключи свет.

ИЗ ГЁЛЬДЕРЛИНА

(последнее стихотворение)

Да, был мне в радость этот мир,
 Здесь был я счастлив.
 И юности часы текли,
 Текли и вот иссякли.
 Апрель и май, июль
 В далёком прошлом,
 Я стал ничто. Я нуль.
 Я просто прочерк!

БЕРЛИНСКАЯ САКУРА

1

Как недолог её цвет,
 Думал я,
 Твои веки целуя.

2

Бабочка на могильном камне
 Крылья смежила.
 Грезит о чём?

3

Скамейка,
 На которой мы
 любили отдыхать,
 Осталась всё на том же месте,
 На берегу.
 И Шпрее ящерицей дремлет,
 Вся малахитовая от теней деревьев.
 Всё, как тогда,
 Когда мы были вместе,
 И ничего здесь не имея своего,
 Скамейку эту называли –
 Наша.
 Другие люди заняли скамейку,
 А нас как будто вовсе не было
 Здесь
 Никогда.

СОН

Сон мне приснился
 Давней весной –
 Мы летим с тобой
 Среди деревьев
 С бледно-сиреневыми
 Яблоневыми лепестками.
 И ветки
 Нас трогают нежно, прохладно
 Соцветьями сонными,
 Нет – ангельскими перстами.
 Как будто кто-то нас хочет разбудить
 И предостеречь.
 Проснулись,
 Горячий луч солнца

Лежал между нами,
Сияющий, острый.
Не луч –
Меч.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Перевернулся на левый бок.
Наверное, неловко лёг –
Вывихнул сердце.

А за окном чиркает птичкой Бог:
Чирк, чирк...

Да с первого раза, видно, не смог –
Фыркнула только головка серная.

Фыркнула,
И снова тьма,
Ещё та.
До всего,
До первого атома,
До начала,
До произнесённого Слова.

Боже мой,
Свете мой,
Попытайся снова.

Александр Шмидт родился 13 июня 1949 года в Казахстане, в селе Новопокровка Семипалатинской области. Окончил Казахский государственный университет, в 1989 году – Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. С 2001 года живет в Германии, с 2005 – в Берлине.

Автор поэтических сборников, в том числе «Земная ось», «Родство», «Преломление света», «Зёрна дней», «Здесь и там», «Утро. Полдень. Вечер».

Стихи Шмидта включены в «Антологию русского верлибра», в издания «Русская поэзия XX века», «Освобождённый Улисс», «И реквиема медь...» и др. Переведены на немецкий, польский и корейский языки.

